Галина Беляничева

В ПРЕКРАСНОЙ РАБОЧЕЙ ФОРМЕ

РАССКАЗ

С той поры, как я обрел зрелость,— я называю мужской зрелостью самостоятельное, никем не навязанное желание жениться,— я не помню за собой ни одного неумного поступка. Все, что я ни делал или собирался делать, было логично, разумно и необходимо. Поэтому я ни в чем не каюсь, ни о чем не жалею и ничего из проделанного мною не осуждаю. Я в полнейшей степени удовлетворен собою, своею семьей и своим образом жизни. Я в прекрасной рабочей форме. Не скажу, что я многого добился, но все-таки кое-что за плечами у меня есть. Я старший научный сотрудник и кандидат. Давно пора двинуться дальше. Но как-то все не хватает времени для самостоятельной темы. Я разрабатываю и довожу до конца чужие темы и много работаю вне стен института. Зато для семейного благополучия я сделал немало. Собственно, это и есть главная моя тема.

Здесь можно поставить точку, потому что я сказал о себе все. Но моя мать, мои жена и теща, мои сослуживцы настаивают на объяснении. У каждого из них свои мотивы. Мама надеется получить от меня признание, что я не очень доволен своим образом жизни. Жена и теща, встревоженные перегрузкой моей нервной системы, беспокоятся, как она отразится на семейном благополучии. Сослуживцев занимает исходный момент и смысл моего юмора. Все это призывает меня потратить время на разъяснения.

Свою прежнюю жизнь я переменил в одночасье, как только мне явился иной образ счастья. Скажу только, что и прежде и теперь я приноравливаю образ жизни к текущим убеждениям, интересам, понятию о смысле, цели, назначении. Другое дело, что все вдруг резко переместилось, о чем, как я уже сказал, нисколько не сожалею.

Новое представление о смысле и назначении явилось мне совершенно неожиданно и сразу в готовом виде. Я вспоминаю, какие-то его элементы когда-то мелькали в моем сознании. Но тотчас же забывались. И вдруг явились цельной, сложившейся программой. По всей вероятности, новое зрело в моем подсознании, до поры до времени никак себя не выказывая, и явилось на подготовленную почву.

Представилось оно так вещественно и так детально, будто уже было моим окружением, моим бытием, моим миром. Знаменьем моего нового счастья должно было стать уютное, нежное существо, которое я зримо и мысленно видел подле себя и которое именовалось моей будущей женой. Этот приятнейший образ вдохновил меня на немедленные поиски подруги жизни.

В кругу моих знакомств не было желанного мне идеала. Я понимал, что его не отыскать в потоке деловых и цепких дамочек, наводнивших всевозможные учреждения. Но изменять начертанному воображением эталону не собирался.

Я припомнил: нечто близкое явившемуся мне образу уже когда-то было в моей жизни.

Ларочка Боярова! Наши семьи дружили. Но потом отец и Бояров разошлись по разным учреждениям, и дружба растаяла. Ларочка была чистенькая, воспитанная девочка. Но уже тогда за ее бантиками, крахмальными воротничками, манжетами угадывалось обворожительное в будущем существо, до поры до времени дремавшее в шорах благовоспитанности. Интересно, какою она стала сейчас?

Я нашел в тумбочке под телефоном старые тетради с алфавитом и позвонил. Ларочка еще не пришла с работы, но вот-вот должна подойти. Они жили недалеко, и я вышел встретить. С улицы в тень арочного проема вошла статная женская фигура. Когда она ступила на солнечный двор, блеск яркой, тяжеловатой красоты ударил в меня.

— Лариса!

Она приостановилась, узнала, сверкнула улыбкой.

— Алик! Ты здесь зачем?

Еще ничего не зная о ней, еще не видя кольца на ее руке, по одному только ореолу счастья я понял, что она замужем, познала материнство.

— Я захотел поглядеть на тебя.

— А-а-а,— протянула она и будто отдалилась.

— Ты отлично выглядишь.

Она просияла. Разговор в такой плоскости возвращал ее в привычный круг счастья. Я отпустил ей полную меру комплиментов и простился, довольный, словно увидел будущую жену в мощном излучении счастья.

Я искал. Находил и браковал. Я искал совершенства самого высокого уровня.

Глубокой и слякотной осенью я встретил ее в поезде метро. Бледное личико благородного матового оттенка, черные с отливом и гладкие волосы, хрупкая женственность, изящность девичества, безмятежная, убаюканная покойность и столь же безмятежная убежденность, что мир служит ее желаниям.

Пухлый портфельчик уютно устроился на ее коленях. Сдержанная улыбка, точно ширма, отгораживала ее от настойчивых взглядов. Она не видела меня и взглядом скользила мимо.

«Это! И ничто другое ни сейчас, ни после!» — приказал я себе. Моя воля упруго сжалась. Я пустил ее в цель.

Вот такой, уверенный и устремленный, я остановил девушку у выхода из

Галина Беляничева родилась в Калуге. Окончила медицинское училище, вечернюю школу, факультет журналистики МГУ. Работала медсестрой, литсотрудником молодежной газеты, редактором телевидения. Сейчас она работает на радио в городе Благовещенске Амурской области.
Публикуется впервые.

метро и убедительным тоном попросил ее внимания. Ее глаза не выразили ни удивления, ни любопытства, ни беспокойства, никакого другого чувства, кроме ровного и спокойного ожидания, которое, я понимал, дольше одной секунды не продлится. Она уплывет от меня на своей невидимой ладье. Я должен с выигрышем уложиться в этот миг. И с той же убедительностью я продолжил. Назвал себя, специальность, научную степень и звание, институт, указал на потомственную принадлежность этому городу. Так же коротко выразил совпадение ее действительного облика образу, созданному моим воображением. Предложил стать моей женой.

Девушка не поразилась, не оскорбилась, серьезно сказала:

— У меня есть жених.

Я знаю, такие девушки не остаются одни.

— Позвольте победить его в соперничестве и в случае удачи надеяться на перемену вами выбора.

— Я его не меняю,— отчужденно отозвалась девушка. Ее ровно-спокойное внимание начало ускользать. Она уплывала... Уплывала!

— Скажите, как вас зовут?

— Таня.

— Таточка! — воодушевился я. Девушки в моей среде никогда не вырастали из младенческого имени. И я угадал. Она вежливо улыбнулась, ничего, впрочем, не обещая улыбкой.

— Дайте мне ваш телефон. Я вам позвоню.

Моей абсолютной победой явился вот этот номер, который, я не сомневался, был правильный.

Весь следующий день я разыгрывал про себя телефонный разговор. Позвонил в половине седьмого вечера, чтобы представиться и ее родителям.

К этому времени она, должно быть, забыла о вчерашнем знакомстве в метро. Мой звонок застанет ее неподготовленной к отказу и в то же время подтвердит, что я намерен настойчиво ухаживать.

Ответил голос чистого серебряного звучания. Ее мать. Только зрелым женщинам дается чеканная ясность звука.

— Добрый вечер. Это звонит Альберт. Пригласите, пожалуйста, Таточку.

Я говорил с напором старого знакомого, не давая Таточкиной маме сообразить, кто я такой.

— Одну минуточку.— В серебряное звучание вкрапилась кроткая интонация.

Таня не появлялась довольно долго. Должно быть, под вопросительным взглядом родительницы перебирала в памяти свои знакомства. Наткнулась на вчерашнюю встречу в метро, торопливо объяснилась с матерью и получила позволение на разговор. В трубке раздалось ее безразличное и вялое «алло». Неужели мой авторитетный тон произвел впечатление на Танину маму? Иначе бы она не допустила дочь к телефону, а холодно указала на неприличие моей настойчивости. Возможно, в Таниной обрисовке я показался положительным человеком.

Я пригласил Таню погулять.

— По-моему, сегодня холодно,— уклонилась она.

Я принялся убеждать, что мы погуляем возле ее дома. Она разрешила зайти за ней. Назвала адрес.

Я заподозрил, что Танино согласие далось под давлением мамы. А мой заход в дом составит обо мне окончательное суждение. Таню я, по-моему, совсем не заинтересовал. Я приветствовал ее сдержанность. Устойчивые и ясные, как бабье лето, супружеские отношения в будущем надежней утомительных крайностей любви. В обретении таковых отношений я не сомневался. Наверно, потому, что сильно желал.

Как я и предполагал, мне открыла Танина мама, невысокая, пухленькая, брюнетка жаркой, закатной красоты. Мы представились. Ее звали Ева Константиновна. Появилась Таня. Попросила подождать.

Ева Константиновна пригласила раздеться. Я с удовольствием сделал и этот шаг к внедрению в их семейство. А затем под предводительством хозяйки прошел из прихожей в комнату. Здесь беззвучно работал телевизор. Розовато-матовая люстра, казалось, разливала подогретый свет. Знойный стиль комнаты повторял закатную яркость самой хозяйки.

— Вы живете недалеко? — поинтересовалась Ева Константиновна. Я скроил из ответа живописную импровизацию на тему: я, мои родители, мое образование, профессия, ученая степень. В общем, вольно изложил то, что вчера анкетно высказал ее дочери. Ева Константиновна одобрительно кивала, сияла кроткой, поощрительной улыбкой. Я нравился ей. Раза два комнату пересекала низенькая, румяная старушка, напоминавшая ватное расписное яблоко с новогодней елки. Я угадывал присутствие в недрах квартиры Таточкиного отца. Но он не снизошел до внимания к самозванцу.

Вошла Таточка, уже одетая. Ева Константиновна пристрастно ее оглядела. Посетовала на плохую погоду и слабое Танино здоровье. Проводила нас в прихожую и попросила не гулять на холодном ветру.

Мы медленно и чопорно прошлись по улице. Разговор не вязался. Я выяснил только, что Таня — будущая пианистка.

Дул и вправду промозглый, осенний ветер. Таня начала зябнуть. Я возвратил ее домой, и меня оставили пить чай.

Я получил право бывать у них дома. Через какое-то время меня показали Таниному отцу. Я с удивлением обнаружил, что он совершенно не со-

четается с женской группой семьи. Он был седовлас, грузен, холен. У себя в учреждении, должно быть, представителен и державен. Но в пламени дома и семьи он таял льдом, растворялся сахаром, сохраняя, впрочем, самодовольство хозяина. Таточкин отец отнесся ко мне с самым поверхностным интересом, не придавая значения ни моим визитам, ни моему ухаживанию. Я подозреваю, что это он привел Тане жениха и настойчиво пропагандировал его в семье.

Жениха я тоже увидел. Всеволод Вячеславович ходил в дом нечасто. Он был занят составлением докторской диссертации. Собирался объединить защиту и женитьбу в одно памятное событие.

Обнаружив соперника, он оскорбился, спесиво вскинул подбородок, хотел было закапризничать, но сдержался. Мы познакомились. Он задал мне несколько вопросов и, установив, что дальше кандидатской я не двигаюсь, посчитал мои шансы незначительными. Я же решил про него, что он больше, чем следует, занимается диссертацией и меньше, чем следует, Таточкой. Со своей стороны, я вел себя так, будто поглощен одной лишь Таточкой. Это было почти так, если умолчать о том, что я всегда очень отчетливо сознавал, что я делаю, как и зачем.

И все-таки я уступал Всеволоду Вячеславовичу в эффекте влияния на семью. При нем ярче пламенел румянец бабушки, смущенно замирала на губах кроткая улыбка Евы Константиновны, пышно цвела любезность Дмитрия Анатольевича.

Но и за мной уже кое-что было. Мне симпатизировали женщины. Таня признала мое общество приятным. А маму и бабушку умиляли моя влюбленность, мое классическое, церемонное ухаживание. Неосознанно они предпочитали мою молодую, напористую энергию суховатой сдержанности диссертанта. И все-таки, не дрогнув душой, единодушно избрали бы его как фигуру более представительную. За «доктора» был бы и Дмитрий Анатольевич.

Но об окончательном выборе еще не говорили. И я спешил приучить Таточкино семейство к своей персоне.

Моим родителям я представил Таточку как невесту. Мама мучительно перенесла новость. Папе же Таточка понравилась: хороша и сейчас, а с годами будет еще лучше. Потом я повел родителей в дом невесты. Папа совершенно ошалел, встретив как бы одну и ту же женщину в трех разных возрастах. Он выбрал самую цветущую и слишком явно принялся волочиться. Ева Константиновна смущенно и кротко улыбалась. Дмитрий Анатольевич поглядывал на моего отца с самодовольством собственника, единоличного владельца. Моя мама, сбитая с толку театральной неестественностью семейства, показывала мне глазами, что она этого не понимает.

Между тем моих родителей приняли в семействе Таточки. Особенно папу. Дмитрий Анатольевич впервые заинтересованно на меня поглядел. Не зря я выставил родителей в качестве козырной карты. Они повернули игру в мою пользу.

Пришел день, когда в разговоре с мужем Ева Константиновна просыпала серебро звуков, составивших фразу:

— Конечно, Всеволод Вячеславыч обеспечит Таточку лучше. Но с Альбертом она будет счастливей.

Душевные струны Таточкиного отца дрогнули и отозвались родительским согласием.

Кандидатская восторжествовала над докторской. Любовь победила рассудок. Соображенья расчета принесены в жертву счастью. Свадебная процессия ступила на порог Дворца бракосочетания. Толпа родных и близких взяла нас с Таточкой в тесное кольцо. Наплыв посторонних лиц разъединил мать и сына. Отец приобрел кучу родственников. Я вошел любящим членом в Таточкино семейство.

Но я не позволил себе зарываться в радости обретения. На мне знак добытчика, волка. Я в вечном беге по орбите Таточкиного счастья, дабы у нее никогда не возникало основания для каких-либо желаний, так как появление их предполагает пустоты в счастье.

У нас с Таточкой кооперативная квартира (обоюдный взнос всех подразделений семьи, от меня еще и мощный выброс энергии, без осложнения протащившей нас в очереди желающих). Вселение и дальнейшее обустройство совершались так же на коллективных паях, но с затратами моих нервных клеток и увенчались приобретением лучшего из импортных гарнитуров.

Посчитав, что одного института моему пылу теперь мало, я возобновил связи с организацией, в которой перехватывал работу еще студентом. Кроме того, имею часы в вечернем техникуме — рядышком с домом. Со всем отменно справляюсь. Только докторская, к огорчению тестя и тещи, снова откладывается. В порядке компенсации и упрочения престижа я виртуозно довожу до конца чужие идеи, на чем сколотил солидную научную репутацию и постоянную прописку в разного рода поощрительных приказах.

Моя Таточка после родов и декретного отпуска расцвела полуденной красотой своей матери. Моя Ниночка — микровариант Таточки, тещи, прабабушки. Что мне еще желать?! Я в прекрасной рабочей форме. Чувство удовлетворения собой меня не оставляет. Я горстями рассыпаю счастье моим дорогим, моим бесценным близким — жене и дочке. В неистовстве и рвении я довел себя до того, что невесть почему стал вдруг выделывать на орбите семейных радостей какие-то замысловатые коленца и необъяснимые подскоки. Хуже всего то, что они конфузят моих дорогих близких. В глубине души я таю желание приучить близких к этим безопасным пустякам. Но дело в том, что еще раньше я приучил их не испытывать от меня никаких неудобств.

Первый такой «подскок» случился со мной на шестом году супружества. На улице меня остановила Лида Чарная, приятельница по старой холостяцкой компании. Боже мой, какие женщины интересовали меня раньше!

Пока мы с Лидой стояли и смотрели друг на друга, я пережил приступ брезгливости. Я давно не видел около себя лиц, избитых жизненными неудачами, измученных разочарованием и интеллектуальными раздумьями. Лидино лицо было ухожено и тщательно накрашено. Но разве скроешь за всем этим несчастье и неприкаянность?! Оно показалось мне чужим и далеким, из какого-то мертвого мира. Я самоотверженно выстоял перед Лидой

столько, сколько она продержала меня. И, простившись, припустил от нее стрелой.

В троллейбусе я почувствовал беспокойство. Принялся выяснять, отчего бы это, и вдруг увидел себя пушистым, холеным котом с брезгливыми и презрительными манерами. Только этого мне еще не хватало. Конец всему счастью! Никаких чувствительных реакций. Я волк. Мой удел — промысел.

Дома я сбросил в прихожей пальто и подлетел к зеркалу. С его сверкающей поверхности глянуло на меня узкое, продолговатое лицо с тугой, эластичной и свежей кожей. Интеллигент-волк. Хороший волк. Молодой и уже матерый. Я удовлетворенно рыкнул.

А ну-ка! Произведем проверочку. Я вынес из кухни Таточкин кружевной передник и приложил к себе. Не лепится, ну никоим образом не лепится! Дичь. Абсурд! Несуразица! Великолепнейший диссонанс! Итак, я в игре. Но больше уже никаких чувствительных отрыжек. Заметано!

И тут я увидел в зеркале светлый и удивленный Таточкин взор. Я обернулся к ней в переднике, демонстрируя нелепость кошачьего бантика вокруг волчьей морды. Это, должно быть, невозможно смешно. Но Таточка в своей прекрасной и безоблачной жизни никогда не смеется.

В другой раз мы с Ниночкой вышли погулять. Наш постоянный маршрут проходил по дворам, потом на большой проспект, проход по нему, поворот на второй проспект, затем на третий, и через полтора часа мы у нашего дома. Полчаса игр во дворе — и спокойный субботний ужин.

На асфальте с торцовой стороны одного дома были расчерчены мелом квадраты.

— Попрыгай,— предложил я Ниночке.

Она в нерешительности стояла у белой черты.

— Ну, как девочки в нашем дворе скачут, — подсказал я дочке.— Сначала одной ножкой, потом другой.

Ниночка опрыгала все квадраты и остановилась.

— Теперь двумя ножками, как зайчик,— продолжал подсказывать я.

Она попробовала и не сумела попасть точно в квадраты.

— А вот я, Ниночка, смотри. — И я заскакал по квадратам туда и сюда. Нина за мной. Я показал ей, как прыгать со скрещенными ногами. В моем детстве все девчонки так скакали, но сам я до этого ни разу не пробовал. У меня получалось неумело, а Нина и вовсе не смогла.

Возле нас засмеялись. Я сурово взглянул на насмешника. Им оказалась высокая, светловолосая девушка.

— Вы неправильно учите ребенка,— заметила она.— Давайте я покажу.

Я сошел с квадратов, а незнакомка легко понеслась по ним, лихо выделывая тот прыжок, который у меня не получался.

— Прыгайте за мной! — приказала она.

Ниночка заупрямилась, а я поскакал. Мы отработали одну фигуру, потом вторую и третью. Ниночка сумрачно смотрела на нас.

— В детстве вы, наверно, всех обскакивали,— говорил я, поспешая за длинными ногами девушки.

— Я и сейчас обскакиваю.

— Все еще играете в классики?!

— Нет, теперь я прыгаю через веревочку.

Ниночка подошла ко мне и потянула за плащ.

— Папа, пошли.

— Хорошо,— согласился я и предупредил девушку: — Мы пойдем.

— Приходите еще. Я вас научу прыгать через веревочку,— пригласила она.

Наверно, что-то случилось с моим лицом, потому что девушка вдруг покраснела и испуганно отступила. В ее глазах читалось неверие, что это я скакал с ней по квадратам. Наверное, по моему деловито отстраненному лицу никак нельзя было этого предположить.

Ниночка всю дорогу сердилась и наябедничала дома:

— Папа с какой-то тетей прыгал в классики.

По счастью, Таточка отвлеклась на мелочи: Ниночка не так вешала пальто и не так снимала берет.

Очень я люблю тот миг, когда встаю из-за письменного стола и пересаживаюсь в кресло. Я как будто выключаюсь. Несколько минут замершего состояния, и я совершенно свеж, в прекрасной рабочей форме. Могу продолжать начатое или начинать новое. Зато по-настоящему отдыхаю только в короткий момент отключения. Все остальное — работа, даже воскресные выходы в театр или в гости. Я тогда включен на операции «отдых», которую довожу с той же тщательностью, с какою корплю за письменным столом или в лаборатории.

Своей постоянной готовностью я привожу в умиление тещу и бабушку. Стоит мне намекнуть, что надо сделать то-то и то-то, как берусь и выполняю это с механической неутомимостью. На даче я ношу из колодца воду и заливаю ею все емкости в доме и около него. Воды хватает на всю неделю.

Иногда я вижу себя автоматом — блестящим и гладким, как все, что меня окружает. Автоматом отлично настроенным, изредка, правда, чудящим.

В магазинах открылись новогодние базары. Из института я зашел выбрать что-нибудь забавное для Ниночки.

Над коробками с елочной мелочью связками висели маски. Среди них я увидел сияющую и самодовольную поросячью морду. Новый год мы собирались встречать в складчину. Я подумал: хорошо бы эту поросячью рожу надеть в компании. Весело будет!

Мне срезали поросенка, а для Ниночки я взял желтого кота, голубую Снегурку и поехал к теще навестить дочку.

В лифте я примерил маску. И так и не снял ее.

Теща, отворившая мне дверь, отшатнулась от наглой поросячьей ухмылки. Замок защелкнулся. Я снова нажал кнопку звонка. Входя, я увидел, как в прихожую выглянул и тут же отпрянул Дмитрий Анатольевич. Вбежала Ниночка и сумрачно уставилась на поросячье сияние. В углу, между дверью и вешалкой, ни жива ни мертва стояла Ева Константиновна.

— Да убери ты эту гадость! — серебряно простонала она.

Я взял маску в руку, скинул пальто и прошел в комнату. Ниночка на-

супленно шла за мной. Как мать, бабушка и прабабушка, она очень редко смеялась.

— Неужели тебе не смешно? — спросил я.— Когда я был маленьким, я любил смеяться.

— Ты разве, папочка, не знаешь, что в таком виде домой приходить нельзя? — ответила моя разумная дочка.

Вошла Ева Константиновна. Она хмурилась. Две капризные борозды пересекли ее лоб. Не глядя на меня, теща произнесла обвиняющим тоном:

— Ты своей необдуманной выходкой разволновал Дмитрия Анатольевича. Он принял сердечные.

Неужели разволновал? Я на такое и не рассчитывал!

Ева Константиновна попыталась круче свести брови, но смогла только углубить капризные складки на лбу.

— Все это очень ненормально,— заключила она.

Я повернулся к телевизору, почти всегда в их доме беззвучному.

Новый год мы с Таточкой встретили премило. Собирались у сослуживца. Четыре пары. Компания более или менее постоянная. Мы уже гуляли вместе. Полагаю, что она как две капли воды похожа на все другие компании, в которых гуляют научные сотрудники и их жены. Всегда интенсивное веселье. Словно каждый участник старается из трех-четырех часов совместного пребывания выжать для себя самый сильный эффект. Та же напористость и безудержность, как при добыче научных званий и степеней. Интеллектуальных дискуссий, к счастью, не бывает. Зато остроумия, хохм, анекдотов сверх меры.

Компании старые и новые сплачиваются очень быстро — участники все похожи и сценарий всегда тот же. Ну а вообще здесь никому до другого нет дела. Хотя со стороны все как будто бы спелись. Просто каждый сам для себя веселится. И веселящийся рядом сосед ничего более, чем веселящийся сосед. Его вовсе необязательно знать.

Мне нравятся такие компании. Ни к чему не обязывают. Внес свою долю денег, участия — и привет. После них я бодр и свеж, как после душа.

На этот раз в качестве хохмы было преподнесено мое интервью репортеру..

Перед Новым годом я принимал репортера. Как всегда, доводил до блестящего завершения чужую идею. Ну уж ученого на собственном образце я ему выдал сполна. А тому понадобилось еще полнее. Сунул нос в мою личную жизнь, во внерабочие занятия. Я сказал, что после работы я прыгаю через веревочку.

— Занимаетесь спортом? — уточнил он.

— Да нет, скачу ради удовольствия.

На лице репортера выразилось изумление. Он не понял, что это я такое сморозил. Еще повел головой туда и сюда, словно отыскивая, кто это высказался. Вокруг хихикали. Репортер — тертый малый с терпеливой и снисходительной миной задал для приличия пару вопросов и отвалил.

Новогодняя компания покатывалась. Я перевел на жену горделивый взор и скис под ее настороженно замершим взглядом. Она одна не смеялась.

Полагаю, что без меня собралось семейное совещание. Ева Константиновна взяла на себя неприятную миссию сообщить его решение мне.

— Ты очень много работаешь,— просыпала она серебро.

Наконец-то этот факт признан.

— Ты не чувствуешь некоторого утомления? — продолжала теща.

— Я в прекрасной рабочей форме,— отозвался я.

— Но все-таки не лишним будет провериться.

— Разумеется, не лишним,— с готовностью согласился я.

Ева Константиновна порекомендовала родственника своей знакомой, перспективного специалиста, молодого светилу со званием и так далее.

Приятно пообщаться с вундеркиндом. Я отправился к нему на прием и с удовольствием признал в нем коллегу-волка.

Молодой гений не очень внимательно меня осмотрел, не очень внимательно выслушал и вяло заметил:

— Для меня вы отработанный материал. На вашу тему я уже подготовил монографию.

— Мне можно уйти? — спросил я.

— Сначала выслушайте советы.

— Они больше нужны моим родственникам.

— Понятно. Пойдемте выпьем коньяку. Тут близко приличное местечко.

В маленьком кафе нам принесли по рюмке коньяку и лимон.

Молодой гений перешел на «ты».

— Твои чудачества, в сущности, полезны. Снижают напряжение. Но не находишь, что без них все-таки удобней?

— А чем? Мне они не мешают.

— Совсем, что ли, не мешают?

— Абсолютно.

— Хм-м-м? — не поверил гений.— Ну, как знаешь... Вообще-то у тебя лицо аскета. Мало позволяешь радостей.

— У меня жена красавица. Чего еще желать?

Гений остро на меня поглядел.

— Не хочешь слушаться? А знаешь, что будет с тобой к пятидесяти?

— А ты знаешь, что с тобой будет?!

— Я знаю, что у *меня* будет,— ответил гений.

— Я тоже знаю.

— Ну и давай за успех.

Мы чокнулись.

— Скоро бросишь чудить,— иезуитски предрек гений.

— Это почему?

— Родных беспокоит... Да и иссякнешь.

— А ты не чудишь?

— Нет, друг. Теперь уже нет.

— Я пока в форме.

— Бывай и дальше, но не перегибай палку. Потом будет хуже. Выжженный пустырь за спиной. Знаешь, что это такое?

— Не знаю.

— А я, друг, знаю. Так что послушайся. И побольше радостей.

— Ну, всего,— сказали мы друг другу, и каждый вернулся на след своей добычи.

— Ты сможешь подождать до лета? — спросила Таточка.— Тогда мы вместе поедем в Крым. Папа возьмет путевки.

По совету вундеркинда меня усиленно принялись пичкать отдыхом и развлечениями. На время я прервал сотрудничество с моей организацией. Правда, часы в техникуме я удержал. Мы с Таточкой катались за городом на лыжах. Выходили на каток и в пешие прогулки. Постоянно появлялись в общественных местах. Таточка, не выносящая спортивных упражнений, терпеливо сносила муки. Но на холодной даче она простудилась и слегла. Меня же все равно выгоняли на улицу. Я почувствовал, что на операции «отдых» мой организм перегревается.

Мне в институт позвонила мама. Она сообщила, что папа в санатории. Пересказала другие новости. Мною интересовалась в самом общем плане, из чего я заключил, что обо мне она уже что-то знает. Моя жена и теща не имели привычки сообщать маме о семейных происшествиях, но на этот раз, видимо, изменили правилу и уведомили ее о странностях моего поведения. Я предупредил вопросы, сказав, что буду у нее в пятницу с ночевкой.

Мы виделись с мамой недавно. Но раз она получила сведения, что со мной неблагополучно, то стала представлять меня изможденным.

— Ты прекрасно выглядишь,— удивилась она.

— Я в прекрасной рабочей форме,— бодро отчеканил я.

Мы ужинали и говорили о пустяках, обходя пока главную тему.

— Я теперь много отдыхаю,— отчитывался я.— По субботам и воскресеньям мы живем с Таточкой на даче. Ходим на лыжах. Летом мы собираемся с Таней к морю. В Крым.

— Крым, а не Кавказ — это имеет для тебя значение? — насторожилась мама.

— Больше для Тани,— вильнул я.— Ей необходим сухой и жаркий климат.

— Ну а тебе что необходимо?

— Лес и горы. В Крыму они есть.

— Тебе это рекомендовал врач?

— Да.

— Значит, он находит, что ты нездоров?

— Наоборот, он признал меня здоровым. Но прогулки ведь всем полезны.

— Не могу до тебя добраться,— с досадой сказала мама.— Обгородился какими-то пустяками. Пожалуйста, объясни толково, что с тобою происходит? Почему ты был у психиатра?

— Сейчас принято проверяться у психиатра,— с бизоньей непробиваемостью оборонялся я.— Я здоров, мама. Прекрасно работаю. Доволен жизнью.

— Все не то,— расстроилась мама.— Неужели у нас с тобой не осталось ничего общего? Похоже, ты не мой сын, а я не твоя мать.

На минуту мы замолчали оба. Я видел, что моих объяснений ей не хва-

тило. Она будет пытать меня дальше. Да когда же она уяснит себе, что ее права на меня вышли!

— Значит, сын, я тебе больше не нужна? — с драматическим напряжением проговорила мама.

— С чего ты взяла? — пристыженно выкрикнул я.— У нас с тобой приличные отношения!

— Приличные — значит никакие...— с обидой подытожила мама.

— Господи! Как тяжело с тобой, мама! Пожалуйста, отпусти меня!

— Но ты же мне еще ничего не сказал! — взволновалась мама.

— Да смирись же ты наконец с тем, что я здоров, счастлив, преуспеваю!

— Все не так, Алик! Все не так! И ты это понимаешь!

— Для меня, мама, это так. А ты можешь думать, что пожелаешь,— твердым тоном сказал я и простился с нею.

Хорошо, что я ушел и побуду один. Таточка и Нина у тещи. Между мамой и мной проляжет на время полоса отчуждения, а потом все пойдет как прежде.

В моей голове стучала и просилась на волю песенка, которую я сочинил для Ниночки. Надо было выпустить песню на лестнице маминого дома. Но я передержал ее в себе, и она разрослась в неистовый, рвущийся крик. С какими муками я ехал в троллейбусе, а потом в метро. Только под аркой своего дома я выпустил песню в пахнущий весной февральский воздух.

Нинок!

Колобок!

Си-зый дымок!!! —

орал я.

Одинокая фигура прохожего шарахнулась от меня, как от пьяного или сумасшедшего.

Во двор я вошел бодрым и освеженным. Я был в прекрасной рабочей форме.